

А. И. Кузнецова (*Москва*)

**Категория неочевидности и возможности передачи ее
в удмуртском и марийском языках**

В последние 10–15 лет лингвисты стали активно интересоваться категорией эвиденциальности (от английского evidence 'очевидность')/неочевидности. Первая из них была обнаружена в качестве самостоятельной грамматической категории в индейских языках. С тех пор многие языки были рассмотрены с новых позиций. Вторая из названных категорий (категория неочевидности) имеет точки пересечения, по крайней мере, в ряде уральских языков, с другими грамматическими категориями. Так, данная категория, с одной стороны, в смысловом плане обладает некоторыми общими чертами с наклонением (см., напр., аудитив в самодийских языках, где он выражает не только действия, устанавливаемые на основании их слышимости, а иногда воспринимаемые и при помощи осязания или обоняния, но выражает и общую неопределенность, гипотетичность происходящего). С другой стороны, предполагаемая категория связана с категорией времени, особенно в тех языках, в которых обычно выделяется прошедшее очевидное и прошедшее неочевидное время. Не исклю-

чено, что кумулятивная небинарная категория неочевидности пересекается с неочевидным прошедшим временем в удмуртском языке и одновременно представлена в так называемых глаголах притворного действия, образующихся от отглагольных имен на *-м* (*-эм, -ем*) и от прилагательных и причастий на *-мтэ* с помощью суффикса *-яськ* (*иземъяськыны* 'притвориться спящим', *валамтэяськыны* 'притвориться непонимающим' и т. д. [ОФУЯ 1976: 188]). Я попробую проанализировать предполагаемую категорию и попытаюсь установить, есть ли в марийском языке ее аналог, какими средствами (грамматическими и лексическими) он выражается, и можно ли вообще говорить о категории неочевидности применительно к данным языкам.

Отправной точкой для исследования послужили строки стихотворения, ставшего народной песней, удмуртского поэта Айво Иви, опубликованные А. Г. Красильниковым в статье "Языковые структуры и "когнитивная инерция" магического миропонимания (о возможной интерпретации категории фиктивности в удмуртском языке)" [Красильников 1992]. В своей статье А. Г. Красильников рассмотрел приведенные им три четверостишия из текста песни под двумя углами зрения. С одной стороны, – с позиций "фольклорной культуры" (как автор называет исследуемый им феномен), отражающей миропонимание древнего человека. С другой стороны, – с позиций чисто лингвистических, а именно, – с точки зрения того, какими языковыми категориями и средствами маркировалась ситуация древнего видения мира, или, по словам А. Г. Красильникова, "ситуация сосуществования, события двух миров в субъективной реальности 'фольклорного' интеллекта" [Красильников 1992: 117]. В работе А. Г. Красильникова едва ли не впервые говорится о некоей малоизученной в удмуртском языке категории "фиктивности (мнимости, видимости, "кажимо-сти")", как он ее называет [Красильников 1992: 117], лексически выраженной модальными частицами (прежде всего *дыр*) и модальными словами, морфологически – аффиксами *-(э)мъяськы* и формами типичного для фольклорных произведений прошедшего неочевидного времени, перемежающегося с формами настоящего времени. Такое сочетание времен придает описываемой в стихотворении картине "вневременные характеристики", по мнению автора статьи, то есть подчеркивает неочевидность событий.

Ниже приводится та часть стихотворения Айво Иви на удмуртском языке [Красильников 1992: 118–119], которая сравни-

валась затем с переводами ее на марийский язык в целях выяснения способов выражения в стихотворении категории неочевидности в марийском языке.

*Анае гурзэ эстэм, дыр, но
Муръётійз чыныз потэ, дыр.
Корказь выжыяз потэм, дыр, но
“Пие бертэ!” – шуэ, дыр.*

*Атае валзэ сюдэм, дыр, но
Тõри ужспизэ кыткем, дыр.
Букояз гырлы думем, дыр, но
“Пиме ваё”, – шуэ, дыр.*

*Анае сатин басьтэм, дыр, но
“Дэрем вуро”, – шуэ, дыр.
Жõк вылэ поныса вандэ, дыр, но
Урам укное учке, дыр.*

Перевод на русский язык (с возможными вариантами) также взят из статьи А. Г Красильникова: '(Моя) мать (свою) печь затопила (наверное), вероятно, и // Из трубы дым (трубы) выходит, может быть. // На порог крыльца вышла (наверное), возможно, и // “Сын (мой) возвращается”, – говорит, вероятно. // (Мой) отец (своего) коня накормил, пожалуй, и // Карего рысака запряг (вероятно), может быть. // К дуге (своего коня) колокольчик привязал (наверное), вероятно, и // “Сына (моего) привезу”, – говорит, наверное. // Старшая сестра сатин купила (наверное), может быть, и // “Рубаху сошью”, – говорит (вероятно), возможно. // На стол положив, кроит (возможно), вероятно, и // В окно на улицу смотрит, наверное. //

Данные строки во время экспедиции 2001 г. в с. Старый Торъял Новоторъяльского района Марий Эл были переведены носителями языка на марийский язык, точнее, на говор села. Всего получено 16 переводов. Среди переводчиков был один удмурт 1961 г. р. (с высшим техническим образованием), 18 лет живущий в Старом Торъяле, свободно владеющий марийским языком, но выучивший его самоучкой и потому не знающий марийской грамоты, хотя и записавший сам три строфы, предложенные ему для перевода с удмуртского языка на марийский и русский. В процессе перевода им были даны комментарии к удмуртскому

тексту (“Здесь какая-то неопределенность, непрактичность”) и высказаны сомнения в том, можно ли перевести стихотворение адекватно на марийский язык. Тем не менее, перевод был сделан, хотя вызвал значительные затруднения у говорящего именно при передаче ощущения неочевидности как грамматическим, так и лексическим способами (для выражения предположения, неочевидности происходящего лексически регулярно использовалась частица *докан*, а грамматически – формы неочевидного прошедшего, чередующиеся с формами настоящего времени). В нескольких случаях возник принципиально иной перевод: вместо ‘Карего рысака запряг’ появилась фраза ‘В сани жеребца запряг’ (видимо, в сознании переводившего произошло смешение кодов в результате близкого звучания удмуртского слова *тõри* ‘карий’ и марийского *тер* ‘сани’); а вместо ‘На порог крыльца вышла’ предложен перевод ‘На крыльцо вышла’ с указанием, что на крыльце порога не бывает. Остальные расхождения не столь существенны, в основном, стилистического характера.

Во всех остальных переводах, производимых с русского языка (предлагался перевод А. Г. Красильникова – см. выше), в марийском языке в большинстве случаев использовались исключительно лексические средства передачи неопределенности, неочевидности происходящего. При этом одни переводчики старались разнообразить текст, давая, по возможности, различные частицы или модальные слова. Другие, наоборот, все время повторяли одно и то же слово, в том числе – русское заимствование. Третьи отказывались давать близкий к тексту перевод и выступали “соперниками” автора (это были две учительницы из местной школы, которые сами сочиняли когда-то стихи).

Примером творческого подхода к переводу может служить следующий текст, предложенный В. В. Караваевой (здесь и далее тексты даются в том виде, как они звучат в староторъяльском говоре; в круглые скобки взяты те части слов, которые нередко опускаются в разговорной речи и которые не были слышны при записи перевода):

*Авам мыйын конгаш олта,
Труба гыч шикш лектеш, докан.
Пõртõнчык(õ) лектын, да авам
“Эргым толеш”, – ман(ын) ойла.*

Ачам уж имньыжсым пукшен,
Сур йошкар алашажым кычкен.
Пугышкыжӧ онгырым сакен.
“Эргым кондем”, – манеш докан.

Кугу акам сатиным налын,
“Тувырым ургем”, – мадалалын;
Ӱстембак (< ӱстел ӱмбаке) пыштен пӱчкедалын.
Урем окнаш ончен кут(ы)рален

(уточнение переводчицы: ‘смотрела в окно и говорила’).

В данном тексте сознательно произведена замена *кӱрен* ‘карий’ на *сур* ‘серый’ и произвольно добавлены некоторые глаголы (напр., *кутыралын* вместо одного *онча*) в целях сохранения ритма. В отличие от подлинника и русского перевода сведены до минимума модальные слова со значением неуверенности, неопределенности (лишь дважды встречается частица *докан*). Наоборот, другой перевод (В. М. Киткаева, редактора местной газеты) – пример столь же нарочитого использования в равной мере чередующихся друг с другом трех синонимичных слов для выражения неочевидности происходящего – *очыни* ‘вероятно, наверное’ (четыре случая употребления), *дыр* ‘вероятно, наверное, пожалуй’ (три раза) и *докан* ‘должно быть, наверное, вероятно’ (четыре случая):

Авам конгашике олтыш докан да
Тӱнбык гыч шики лектеш дыр.
Пӧртӧнчыкӧ лектеш очыни да
“Эргым пӧртылеи”, – ойла, докан.

Ачам имньыжсым пукшен, очыни, да
Кӱрен алашам кычкен, дыр.
Пугышко онгырым кылден, докан, да
“Эргым кондем”, – ойла, очыни.

Кугу акам сатиным налын, дыр, да
“Тувырым ургем”, – ойла, докан;
Ӱстембаке пыштен, пӱчкеда докан, да
Окна гычын уремышке онча, очыни.

Анализ 16 текстов с точки зрения использования лексических средств при переводе стихотворения носителями языка показал, что молодые с трудом вспоминают дискурсивные слова (частицы и модальные слова) родного языка, заменяя их русскими. Союз *и* часто не переводится на марийский, поскольку его эквивалент (союз *да*, взятый в сочинительном значении) также заимствован из русского. Встречаются заимствования из тюркских языков (*дыр, ала-мо*). Результаты подсчета случаев употребления частиц и модальных слов со значением сомнения, неочевидности происходящего демонстрируют значительную неуверенность и несогласованность самих говорящих в их переводах. В количественном отношении лексический материал распределяется между всеми встретившимися в переводах дискурсивными словами неравномерно, но, вместе с тем, с явным преобладанием одних слов над другими: *докан* (91 случай употребления), *коеш* (28), *дыр* (24), *чучеш* (16), *чай* (8), *наверно(е)*, *оламо/ала-мо* (по 7), *очыни* (5), *шонем, вероятно* (по 3), *витие* (2), *пожале, возможно, может быть, саитан* (по 1).

Как видно из приведенных 15 частиц и модальных слов, к которым обращались информанты при переводе 12 стихотворных строк, доминируют четыре первых слова; среди них *коеш* и *чучеш* представляют особый интерес и будут рассмотрены в дальнейшем подробнее.

При значительном разбросе лексических средств, используемых для передачи недостоверности, неочевидности происходящего, бросается в глаза аккуратное употребление большинством переводчиков прошедшего неочевидного времени в нарративной части текста и настоящего времени – в прямой речи и в описании того, что именно мать, отец и сестра конкретно делали в тот миг, когда они что-то говорили. Параллельно с переводами такого типа несколько человек вместо прошедшего неочевидного и настоящего времени использовали в своих переводах конструкции с деепричастными оборотами с суффиксами *-шыла* и *-мыла*, о которых Е. И. Коведяева пишет следующее: “Деепричастия на *-шыла* // *-шы́ла* (в диалектах *-мыла*) обозначают действие, происходящее одновременно с основным и имеют значение ‘во время такого-то действия’: *толышыла* ‘в тот момент, когда шел’, *куржышыла/кыргыжышыла* ‘в тот момент, когда бежал’. В лугово-восточном деепричастия на *-шыла* могут выступать в лично-притяжательном оформлении во всех трех лицах ед. числа и 3-ем лице мн. числа,

причем лично-притяжательный суффикс как бы разрывает суфф. *-шыла* на *-шы*, *-ш* и *-ла*, например: *тол-ше-м-ла* 'во время моего прихода', *тол-ше-т-ла* 'во время твоего прихода'; *тол-шы-ж-ла* 'во время его прихода'; *тол-шы-шт-ла* 'во время их прихода'" [ОФУЯ 1976: 81]. Староторьяльский говор относится к числу тех, где встречается суффикс *-мыла*, хотя в настоящее время он уже полузабыт. Даже среднее поколение, используя его, признается, что уже не помнит, как и в каких ситуациях его употребляют. Все строится на интуиции, а интуиция у всех разная и нередко подводит. Чаще всего деепричастие с суффиксом *-мыла* можно услышать в полузастывших оборотах, типа *Ала-кө толмыла чучеш* 'Кто-то пришел/идет, кажется' (букв. 'кто-то придя // идя кажется'); *Тудо пöрт гыч лекмыла (лекшыла) чучеш (коеш)* 'Он, кажется, из дома выходит' (букв. 'выходя, выйдя'). Вместе с тем, носители языка делают попытки различать суффиксы *-мыла* и *-шыла* во временном отношении: *возымыла чучеш/коеш*, по мнению одних, означает 'кажется, написал', а *возышыла чучеш* 'кажется, пишет', по мнению других, – наоборот. Кое-кто предлагает принципиально другой перевод: 'делает вид, что пишет, писал'. В этом случае невольно вспоминаются глаголы притворного действия в удмуртском языке. Суффикс *-шыла* – более живой суффикс, но правила построения конструкций с ним весьма противоречивы и вызывают большие споры и сомнения. Наиболее простым случаем использования сейчас деепричастного оборота с указанным суффиксом может служить следующее предложение, в обеих частях которого – один и тот же субъект: *Пашаш кайышыла, йолташем деке пурышым* 'На работу идя (я), к товарищю моему зашел-я'. В недалеком прошлом в марийском языке существовали бессоюзные полипредикативные предложения, сохранившиеся в разной мере до сих пор во многих (в том числе и в уральских, напр., самодийских, обско-угорских) языках. В настоящее время они встречаются и в марийском языке, но явно находятся в стадии разрушения, судя по той неуверенности носителей языка, которую информанты испытывают при построении данных конструкций. Более уверенно образуются **моносубъектные полипредикативные предложения**, действие в зависимой части которых выражается деепричастиями на *-шыла/-мыла*: *Мый колым шолтышемла, кумыжым пудыртышым* (1Sg прошедшего очевидного) (или *пудыртенам шонем*, 1Sg прошедшего неочевидного) 'Когда я рыбу варила, тарелку разбила' (букв. 'Я рыбу

варя-я, тарелку разбила-я'. При прошедшем неочевидном добавляется *чучеш* или *шонем* "кажется", "думаю", что разбила). Деепричастия являются вневременными формами, но глаголы *чучаш*, *кояш* (обычно *чучеш*, *коеш*), прибавляемые к предикату главной части предложения для подчеркивания неуверенности, неочевидности происходящего, могут спрягаться, то есть иметь не только настоящее, но и прошедшее время и разные числа и лица. Напр.: *Колым кучышыла, мыланна кылмыме гай чучеда* 'Когда мы рыбу ловили, нам показалось, что замерзли' (букв. 'рыбу лова, нам как замороженные кажетесь'. В 1–2РІ деепричастие не имеет форм possessивности); *Нуно колым кучышышитла, кылмышыла койыт* (3РІ) 'Когда они рыбу ловили, выглядели замерзшими' ('Они рыбу лова-они, замерзши выглядели'); *Тудлан кол кучышыжсла, черланымыжсла чучеш* 'Ему, когда он рыбу ловил, показалось, что заболевает' (букв. 'ему рыбу лова-он, заболевши-себя чувствует') и др. Кстати, в таком типологически далеком от марийского языке, как русский, в диалектах и просторечии часто встречаются деепричастные формы, выполняющие функцию предиката: *он выпивши кажется; может, он уже уснувши* и т. п. Как видно по приведенным марийским примерам, структура фраз с деепричастными оборотами с суффиксом *-шыла* может меняться, но для передачи неочевидного события всегда прибавляются глаголы со значением неуверенности в том, что действие произошло. При этом в форме 3Sg *чучеш* и *коеш* фактически превращаются в вводные слова.

В разговорной речи среднего поколения встречаются и **разносубъектные полипредикативные предложения**, но молодые их никогда не используют. При этом употребление деепричастных конструкций с суффиксами *-шыла/-мыла*, служащих для передачи зависимого предиката, тесно связано с актуализацией предложения (иначе, с тема-рематическими отношениями, с первичной или вторичной топикализацией) [Nikolaeva 2001]. Иногда, в зависимости от того, что считать топиком, а что фокусом, может использоваться усилительно-выделительная частица *ла*, *ат* или *ак*: *Порт гыч лекшыжлак кудырчан йур тунгалын чучеш* 'Кажется, именно тогда, когда из дома он выходил, началась гроза'; *Порт гыч лекшыжсла, кудырчан йурак тунгалме гай чучеш* 'При выходе его из дома именно гроза началась, кажется (а солнце скрылось)'. Более адекватный перевод на русский требует перестановки местами двух частей предложения: 'Гроза, кажется, началась, когда он выходил из дома'.

Учитывая всю сложность и неоднозначность анализируемых деепричастных конструкций, следует все-таки допустить существование в марийском языке лексико-грамматической категории неочевидности, которая может выражаться двумя способами. Во-первых, к деепричастию на *-шыла/-мыла* прибавляются глагольные формы со значением неуверенности, предположительности, неочевидности, превращаясь в вводные слова. Во-вторых, могут (иногда параллельно) использоваться формы прошедшего неочевидного также в сочетании с теми же глагольными формами. В этом втором случае следует говорить о синкретическом показателе форм прошедшего неочевидного, передающего как форму времени, так и форму категории неочевидности.

Далее приводятся исследуемые четверостишия с переводом в них предикатов на марийский язык в форме устаревающих деепричастных конструкций с суффиксами *-шыла/-мыла*. Тексты были записаны от двух информантов, а затем обсуждались с другими переводчиками, спорившими между собой. Специфика этих переводов заключается в том, что деепричастные формы на *-шыла/-мыла*, обычно означающие действие одновременное с главным и зависимое от него и всегда соединяющиеся для передачи неочевидности происходящего с формами 3Sg глаголов *чучаш* и *кояш* (*чучеш* в значении 'кажется' и *коеш* в значении 'кажется; видится, представляется воображению'), в тексте стихотворения нигде не соотносятся с главным предикатом. Исключение имеется только в одном случае: в строке 6 дан при переводе главный предикат. Так должно было бы быть в каждом четверостишии, но переводчики, судя по всему, строили предложения с конструкциями механически, взяв однажды подобную конструкцию за основу. В связи с этим данный перевод кажется весь пронизанным неопределенностью, ожиданием разрешения гипотетической ситуации: 'Моя мать печь затапливая... и Дым из трубы выходя... На крыльцо выйдя, и "Сын возвращается"', – говоря, представляется... Отец мой коня своего уж покормив, Карего рысака своего уж запряг, кажется, На дугу лошади колокольчик уж подвесив и, "Сына привезу", – говоря. Старшая сестра сатин купив, "Рубашку сошью" говоря, видится, и На поверхности стола края, в окно на улицу смотря, кажется...'. Ожидание того, что же произойдет, все нарастает...

(1) Мыйын авам конгаш олтымыла чучеш да

(2) Тўныкшў гыч шикшат лекмыла чучеш.

- (3) Пöртöнчыкшö лекшыжла чучеш, да
- (4) “Эргым толеш”, – маншыла коеш.
- (5) Ачам имныжымат пукшымыла чучеш,
- (6) Күрен алашажымат кычкен чучеш,
- (7) Имне пүгышкö онгырымат кылдышыла чучеш, да
- (8) “Эргымым кондем”, – маншыла чучеш.
- (9) Кугурак акам сатиным налмыла чучеш, да
- (10) “Тувырым ургем”, – маншыла коеш;
- (11) Ёстелымбалне пүчкедышыла чучеш, да
- (12) Окна гыч уремышке ончашыла / ончамыла чучеш.

При сравнении двух переводов с указанными деепричастными конструкциями прежде всего бросается в глаза параллельное использование деепричастий то с одним, то с другим суффиксом, причем, иногда допускается употребление обеих конструкций (напр., в строках 3, 11, 12). Точно так же в большинстве случаев могут чередоваться *чучеш/коеш*, хотя для строк (5, 9) считается недопустимым *коеш*, а для (4, 10), наоборот, – *чучеш*, несмотря на то, что в аналогичной строке (8) стоит именно *чучеш*. Чем вызваны подобные запреты, осталось неизвестным: носители говора объяснить не могли, но настаивали на таких решениях. Единственная твердая аргументация касается строк (4, 8, 10): в прямой речи никогда нельзя использовать конструкции с данными суффиксами и формами *чучеш, коеш*, которые всеми переводчиками воспринимаются скорее как вводные слова, чем как глаголы, в то время как здесь должны быть именно глаголы, передающие главное действие.

Явная искусственность и непривычность таких переводов с русского на марийский демонстрирует разрушение категории неочевидности, что связано с исчезающими под давлением русского синтаксиса полипредикативными конструкциями, хотя в живой разговорной речи, как было показано выше, она еще существует, по крайней мере, в речи среднего и старшего поколений. Выяснение правил построения конструкций, выражающих, как можно предполагать, категорию неочевидности, и способы их актуализации требуют дальнейших исследований и проверки на большом материале, особенно диалектном, поскольку литературный язык в большей мере, чем говоры, испытал на себе влияние русского литературного языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Коведяева Е. И. Марийский язык // ОФУЯ: 3–96.

Красильников А. Г. Языковые структуры и “когнитивная инерция” магического миропонимания (о возможной интерпретации категории фиктивности в удмуртском языке) // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 5. С. 115–120.

Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки // ОФУЯ: С. 97–228.

Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure // Linguistics 39-1. 2001. P. 1–49.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.